

О. А. Кострова

Самарский государственный социально-педагогический университет

ГРАНИЦЫ И ГОРИЗОНТЫ МОДАЛЬНОГО СИНТАКСИСА

Аверина А. В. Модальный синтаксис немецкого языка.
Монография. М.: МГОУ, 2019. 141 с.

Вниманию читателя предлагается небольшая по объему монография Анны Викторовны Авериной, посвященная модальному синтаксису немецкого языка. Небольшой объем книги свидетельствует в данном случае о необычайной четкости и лаконичности изложения автора, сумевшего вложить в этот объем чрезвычайно много новых идей, сложившихся в законченную оригинальную концепцию.

Монография начинается провокативным эпиграфом, принадлежащим известному немецкому лингвисту Г. Вайнриху, мысль которого состоит в том, что понятие модальности бесполезно и, более того, вводит в заблуждение, поскольку пронизывает все сферы языка. Эпиграф настораживает и в то же время настраивает на нечто необычное, с чем нам предстоит познакомиться. Предвкушение необычности не обманывает читателя.

Монография состоит из четырех глав, ведущих нас от общего понимания автором модальности к конкретному описанию модальных маркеров в парадигме языка, в речевой синтагматике и в разных типах текста. Подобный всеобъемлющий подход к трактовке категории модальности осуществляется в отечественной лингвистике, насколько мне известно, впервые.

Выстраивая свою концепцию, А. В. Аверина во многом опирается на труды зарубежных авторов, малоизвестные, а лучше сказать, совсем неизвестные в России. Так в основу понимания модальности заложено понятие «перспектива», заимствованное из работ видного немецкого грамматиста Элизабет Лайсс (С. 21). Попробуем соотнести построенную на таком понимании систему с опытом интерпретации этой категории в отечественной германистике, наметив известные границы и обозначив открывающиеся при новом взгляде горизонты.

Автор монографии исходит из традиционного понимания модальности как синтаксической категории, поскольку выража-

емое с помощью этой категории субъективное отношение к миру «не может существовать само по себе в отрыве от объектов и ситуаций реальной действительности» (Аверина 2019: 6). Напомним, что В. Г. Адмони (1973: 14) относит категорию модальности к разряду коммуникативно-грамматических, оформляющих отношение говорящего к содержанию высказывания и создающих «ту неразрывную и сложную связь, которая существует между содержанием речи и самим процессом речевого общения». Как видим, здесь позиция автора совпадает с традиционной. Различия начинаются при определении видов модальности.

В отечественной германистике принято разграничение объективной и субъективной модальности, основанное на *форме выражения* категории: *объективной* считается модальность, выраженная грамматической категорией — наклонением глагола — и передающая отношение говорящего к высказыванию, а *субъективная модальность* связывается с лексическими или лексико-грамматическими средствами выражения и передает внутрипредложенческие отношения грамматического субъекта к выражаемому действию (ср.: Абрамов 2001: 63-64). А. В. Аверина отмечает, что в западной германистике внимание исследователей сосредоточено на модальности субъективного характера (С. 10) и, не вступая в дискуссию, предлагает свое видение, основанное на критическом осмыслении отечественного наследия и новых зарубежных публикаций, а также на значительном эмпирическом опыте собственного исследования языкового материала, который изложен в монографиях (Аверина 2010; Averina 2010) и многочисленных статьях в отечественных и зарубежных изданиях. Мне довелось присутствовать на докладах, прочитанных ею на международных конференциях в Познани, Гданьске и Зеленой Гуре с участием видных немецких лингвистов В. Абрахама, Э. Лайсс, Г. Дивальд. После таких конференций появлялись публикации, доработанные с учетом результатов дискуссии (Averina 2010; Averina 2011; Averina 2019). Все это говорит о том, что рецензируемая монография — результат многолетней напряженной работы автора.

В концепции А. В. Авериной помимо формальных используются другие параметры разграничения видов модальности. К ним относятся: 1) включенность говорящего, которым может быть не только грамматический (пропозициональный) субъект

предложения, но и наблюдатель, например, автор; 2) фактичность / нефактичность передаваемой информации — критерий, различающий отношение к содержанию высказывания как к факту или как к чему-л., подлежащему оценке; 3) дейктичность / недейктичность, то есть «указание со стороны Ориго на что-либо, в том числе и на степень вероятности того или иного факта» (С. 16). На основе этих параметров вводится разграничение *внутренней и внешней модальности*, соотносимые с *перспективой говорящего*. «Внутренняя перспектива говорящего соотносится с неопределенностью и нефактичностью, субъективированностью изложения. Внешняя перспектива позволяет представить объективированное изложение событий и является показателем фактичности ситуации» (С. 75). Если говорящий или субъект речи излагает содержание в аспекте нефактичности, то он исходит из внешней перспективы, соотносимой, как правило, с грамматическим третьим лицом. Он может выразить при этом желание, возможность, необходимость и даже нереальность описываемого (С. 11-16), воспринимая все эти семантические значения модальности как существующие в реальном мире. Если же говорящий делает предположение относительно какого-то факта, подвергает этот факт сомнению или отсылает к источнику информации об этом факте, то он использует внутреннюю перспективу, смотрит на факт, оценивая его как бы извне. В таком случае речь идет об эпистемической модальности или эвиденциальности (С. 16).

Важная роль в разграничении перспектив говорящего отводится понятию дейктичности. Дейктичность связывается обычно с такими категориями, как персональность, темпоральность и пространственность. В монографии понятие дейктичности распространяется и на внутреннюю перспективу говорящего, поскольку при этом имеет место указание на эпистемическую оценку или отсылка к источнику информации. Это новый для отечественной германистики аспект рассмотрения дейктичности.

Внешняя перспектива выражается наклоном глагола: прошедшими временами индикатива или конъюнктива II, когда последний передает невозможное или неосуществленное действие, как это имеет место при нереальном условии или нереальном сравнении. Это показано в главе IV, посвященной функциям модальности в разных типах текста. Другим средством выражения внешней модальности являются модальные глаголы,

употребляемые в прямых значениях. Здесь мы видим расхождение с традиционным пониманием, согласно которому грамматические (наклонения) и лексико-грамматические средства (модальные глаголы без учета их прямых и переносных значений) оформляют разные виды модальности.

Основное внимание уделяется в монографии анализу внутренней перспективы — наименее исследованному участку модальной системы, предмету непрекращающихся дискуссий в западной германистике. Внутренняя перспектива выражается модальными глаголами во вторичных значениях, передающих в сочетании с инфинитивом II разные оттенки предположения, конструкциями типа *scheinen* + *Infinitiv*, глаголом *werden*, в сочетании с инфинитивом передающим не футуральные, а модальные значения, модальными словами и частицами, выполняющими модальные и дискурсивные функции. Как видим, здесь задействован богатый репертуар языковых средств, передающих тончайшие семантические оттенки, не всегда доступные пониманию носителя немецкого языка. Особенно это касается частиц, имеющих в немецком языке широкую сферу употребления в субъективированной речи в разных речевых регистрах и типах текста. А. В. Аверина мастерски показывает это во второй и третьей главах монографии, посвященных маркерам дейктической модальности в парадигматических и синтагматических связях. В этих главах поднимаются проблемы взаимодействия категорий: 1) рассматриваются лексико-грамматический и грамматический уровни репрезентации модальных значений; 2) раздел 2.4.2. посвящен феномену *Verumfokus*, обозначаемому в русской лингвистике терминами «верификативный или контрастный фокус», «контрастная рема»; этот фокус рассматривается в монографии как модальный способ противопоставления фактов путем интонационного выделения вспомогательного глагола, которое воспринимается как утверждение обратного; 3) разграничиваются функции дискурсивных и модальных частиц, модальных частиц и модальных слов, модальных частиц и наречий и показывается их взаимодействие друг с другом и с модальными глаголами; 4) поднимается вопрос о синтаксической неподчинимости и ее связи с иллокутивной несамостоятельностью и употреблением частиц в придаточных предложениях. Чтобы понять понимание перечисленных проблем, многие из

которых впервые поднимаются в отечественной германистике, надо внимательно читать монографию.

Мне бы хотелось остановиться далее на некоторых новых горизонтах, открываемых поднятыми в монографии проблемами, которые пересекают границы собственно модальности, выводя в общеграмматическое или текстовое пространство.

1. Проблема разграничения дискурсивных и модальных частиц, модальных слов и наречий открывает новый взгляд на классификацию частей речи с учетом разной степени выраженности лексического значения и проявления грамматической функции (С. 33). В частности, модальные и дискурсивные частицы могут рассматриваться как грамматический класс слов, кодирующий внутреннюю перспективу (С. 34). В связи с этим рассматривается проблема грамматикализации языковых единиц и определяются ее параметры (С. 37-39).

2. При рассмотрении функционирования частиц возникает проблема инференции, то есть насыщения семантического содержания, которое не выражается словами, а имплицуруется. Например, ударная частица *EH* может кодировать скрытое отношение каузальности как в примере *Habt Spaß. Das Leben ist EH so kurz* и его трансформации *Man muss Spaß haben, denn das Leben ist so kurz* (С. 63).

3. Проблема метакоммуникативных функций, присущих частицам, наводит на мысль о том, что частицы имплицуруют дополнительную семантическую предикацию. Так, предложение *Aber er hatte ja zwei Jahre Zeit* содержит одну грамматическую, но две семантические предикации. Дополнительную семантическую интерпретацию А. В. Аверина интерпретирует как «это всем известно / это само собой разумеющийся факт» (С. 77).

4. Роль субъекта при выражении модальности иллюстрируется примерами, содержащими парадокс эксплицитного выражения: неопределенно-личное предложение с субъектом *man* может иметь более высокую степень вероятности, чем предложение с определенным субъектом *er*: *Er meint, ich würde es nicht schaffen diese Tour durchzuziehen* vs. *Man sagt, dass Ikebana ursprünglich von den Blumengaben der Mönche an Buddha abstammt. Allerdings gibt es die ersten schriftlichen Belege erst seit dem 11. Jahrhundert* (С. 77).

5. Новый пласт открывает исследование текстовой модальности, представленное в последней главе монографии.

6. По сути дела, обсуждаемые в монографии проблемы являются частью когнитивного процесса. Особенно ярко это проявляется при интерпретации значения частиц, требующей активного включения когнитивной деятельности.

Столь новый подход к пониманию модального синтаксиса, несомненно, обогатит отечественную германистику, испытывающую острую нужду в продуктивных идеях. Вместе с тем, новизна подхода оставляет место для дискуссии. Оценивая несомненные достоинства монографии, хотелось бы выразить автору некоторые пожелания. Во-первых, в главе о парадигматическом представлении модального синтаксиса хотелось бы видеть в этой парадигме место категории наклонения глагола. Без этого модальная парадигма создает впечатление лакунарности. Еще одно пожелание касается необходимости пояснения для отечественного читателя соотношения некоторых новых понятий. Мне как читателю стоило значительных усилий понять роль атрибутов «внешний» и «внутренний» по отношению к видам модальности, с одной стороны, и к перспективе говорящего, — с другой.

В заключение подчеркну еще раз, что рецензируемая монография открывает новые перспективы исследования. В лингвистический обиход введен целый новый пласт зарубежной германистики, что, вне всякого сомнения, будет стимулировать новые исследования. А. В. Аверина сама уже реализует перспективы, которые она отчетливо видит, обращаясь, в частности, к контрастивному сопоставлению семантики и употребления частиц и модальных слов в немецком и русском языках. Хочется пожелать ей дальнейших плодотворных успехов на этом поприще!

Список литературы

- Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. М.: ВЛАДОС, 2001. [Abramov, Boris A. (2001) *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka* (Theoretische Grammatik des Deutschen). Moscow: VLADOS. (In German, & Russian)].
- Аверина А. В. Эпистемическая модальность как языковой феномен (на материале немецкого языка). М.: Красанд, 2010. [Averina, Anna V. (2010) *Epistemicheskaya modal'nost' kak yazykovoy fenomen (na materiale nemetskogo yazyka)* (Epistemic Modality as a Language Phenomenon (Based on the Material of the German Language)). Moscow: Krasand. (In Russian)].

- Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1973. [Admoni, Vladimir G. (1973) *Sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka. Sistema otnosheniy i sistema postroyeniy* (Syntax of the Modern German Language: a System of relations and a System of Construction). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Averina, Anna V. (2010) Satzmodelle mit der Semantik der Vermutung im Deutschen im Vergleich zum Russischen und Besonderheiten ihres Funktionierens in der Rede. In Kaṭny, Andrzej, & Socka, Anna. (eds) *Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 223—238.
- Averina, Anna V. (2011) Phorik bei den Epistemitätsmarkern im Deutschen. In Kotin, Mikhail L., & Kotorova, Yelizaveta G. (eds) *Sprache in Aktion: Pragmatik. Sprechakte. Diskurs*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 33—46.
- Averina, Anna V. (2015) *Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln JA, DOCH und DENN im Deutschen und VED', ŽE und VOT im Russischen*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Averina, Anna V. (2019) Betonte Partikeln JA, DOCH, SCHON und EH im Deutschen und ihre Äquivalente im Russischen. In Kotin, Mikhail L. (ed.) *Wortschätze und Sprachwelten. Beiträge zu Sprachtypologie, kontrastiver Wort- bzw. Wortschatzforschung und Pragmatik*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 181—196.